

«Разыграем-ка партию по правилам!»

Сулла избрал открытый дебют. Да и недостойно это как-то командира Третьего корпуса Арманской империи – пользоваться преимуществом внезапности.

Не то, чтобы он так уж дорожил репутацией, но и терять лицо, используя в данной ситуации ухищрения, причины не видел. Как ни крути, а с точки зрения военной мощи, как, впрочем, и с любой другой, уверенная победа была ему гарантирована.

Итак, Сулла решил объявить войну королю Баньяку фон Колом открыто. И, за пару дней до отплытия, отправил гонца сухопутным маршрутом с призывом сдаться.

Содержание послания было буквально следующим:

«Королю Колома, Баньяку фон Колом.

Именем императора Великой Арманской империи Помпейнуса призываю вас самостоятельно оценить степень вашего греха и цену, которую вы изволите заплатить за то, что совершили минувшей весной и за что вам «не отбрезаться, имея хоть десять ртов»! [1]

В первый день той весны его императорское величество Помпейнус провозгласил принцип соблюдения мира, поклявшись всевышнему, что сделает континент свободным от войн. Но буквально через пару дней, вы, словно в насмешку над нами, вторглись в Галик аки звери дикие, тем самым поправ клятву его величества самым вопиющим образом!

Теперь же, когда год завершился, и император окончил совершать подношения в храме, я, Сулла, имею полное право спросить с вас за тот грех. И призываю короля Колома добровольно проследовать со мной в Арман, чтобы публично раскаяться перед его величеством Помпейнусом.

Это единственный способ смыть грех с вашей страны. Потому, если откажетесь совершать паломничество вместе со мной, я доставлю вас в Арман силой.

Восемнадцатый год, седьмой месяц и двадцать восьмой день с момента воцарения Помпейнуса, командующий Третьего корпуса Арманской империи, Сулла.»

Можете представить реакцию на составленное таким образом письмо?

Конечно же, Баньяк фон Колом пришёл в неопишемую ярость. И разорвал послание прямо на глазах гонца.

То, что он немедленно не обезглавил посланника, говорило о невероятной выдержке короля Колома. Потому как, когда он пробежал взглядом письмо, на лбу его проступили вены.

«Ублюдки! Как вы смеете смотреть на Колом свысока?! Что ж, хотите войны – будет вам война! Приходите! Мы вас убьём, а трупы скормим собакам!» – сквозь зубы выдавил Баньяк.

Дрожащей от гнева рукой он стиснул древко заточенной до бритвенной остроты алебарды. Лезвие сверкнуло, угрожая снести голову посланнику Суллы!

Гонец побледнел, и ощупал шею – просто убедиться, что голова ещё на месте. Угроза в облике Баньяка заставила его обмочиться от страха.

В гневе короля не было ничего удивительного. Да достаточно взглянуть хотя бы на стиль

письма Суллы. Годится ли так обращаться к монарху?!

К тому же, указанная причина выглядела слишком притянутой за уши. Да, Колом и впрямь вторгся в Галик прошлой весной. Но с тех пор прошло уже девять месяцев, предъявлять какие-либо претензии сейчас – несусветный абсурд! Тем более, что сводятся они лишь к тому, что это де нарушило какие-то пацифистские принципы, провозглашённые монархом Арманской империи!

А это требование извинений? Типа, Баньяк должен лично явиться ко двору императора Армана, чтобы публично раскаяться – да кто из монарших особ пойдёт на это?! Особенно в свете того, что Колом не является вассалом Арманской империи.

Так что истинным содержанием послания Суллы было приглашение вступить в войну. И король Баньяк его принял.

Никогда за всю историю королевства коломцы не уклонялись от драки. А король Баньяк был даже более воинственным, чем его предшественники. Потому причин игнорировать провокацию Суллы не имел.

Сразу после того, как посланник удалился, в королевском дворце Колома состоялось экстренное совещание. На сей раз оно было столь важным, что Баньяк даже не взял с собой маленького принца.

Всего на встрече присутствовали пять человек. Помимо самого короля, тут находились канцлер Базелиц; граф Георг – командор королевской гвардии; маркиз Гермюльдер – предводитель первого рыцарского подразделения, а также граф Любек, представлявший второе рыцарское подразделение.

Из списка ключевых фигур страны не хватало лишь графа Кунцмана. Но он не мог присутствовать, поскольку томился в плену у Широпа.

Атмосфера была напряжённой.

Трах!

«Вот твари! Как эти грязные арманцы посмели отнестись к нашему королевству с подобным презрением?!»

Короля трясло от гнева, глаза его пылали, словно факелы. Как он ни пытался выбросить из головы содержимое разорванного письма, воспоминания были слишком яркими. А послание Суллы – беспардонным.

Гермюльдер, Любек и Георг испытывали не меньший гнев. Глаза их налились кровью от негодования.

Островком хладнокровия в этой буре страстей казался герцог Базелиц. Поговорка «старый имбирь – острее» полностью соответствовала его характеру. Он обратился к королю уравновешенным тоном.

«Прошу вас, ваше величество – успокойтесь. Хотим мы того или нет, но война неизбежна. Письмо им нужно было исключительно затем, чтобы получить формальный повод. Вторжение в Колом было делом решённым ещё до него. И всё, что написано в письме – лишь оправдание.»

Выслушав герцога, Баньяк поумерил гнев. Как мудрый правитель, он умел прислушиваться к подданным.

«Уф-ф... Раз так, то какие идеи, канцлер? Как нам справляться со сложившейся ситуацией?»

Видя, что Баньяк внял голосу разума, канцлер Базелиц стал описывать: «Справиться с ситуацией можно лишь одним способом – как следует подготовиться к войне. Потому, позвольте первым делом осветить наш нынешний боевой потенциал. Мне неловко вам об этом говорить, но в настоящий момент наша армия – худшая за всю историю Колома. Весенняя кампания стоила нам третьего рыцарского подразделения, которое было полностью уничтожено. Кроме того, второе подразделение лишилось почти половины состава, а первое – недосчиталось пяти рыцарей. А это значит, что число рыцарей за год уменьшилось вдвое, а великая армия, насчитывавшая пятьдесят тысяч солдат, сократилась до тридцати тысяч. К тому же, боевой дух оставшихся войск на крайне низком уровне.»

При этих словах маркиз Гермюльдер и граф Любек опустили головы. Упоминание ошибок заставило их испытать жгучий стыд.

Канцлер зыркнул на обоих командоров и холодно продолжил: «Как ни сильна Арманская империя, они никогда не вступают в войну с кондачка. Так что у них всё тщательно продумано. И они, скорее всего, в курсе, что Колом сильно пострадал этой весной. Или даже вещи похуже. И, видимо, собираются этим воспользоваться.»

Лицо Баньяка помрачнело. Если ранее он на эмоциях взывал к войне, то сейчас, когда успокоился, стал понимать, насколько положение королевства неблагоприятно.

Глядя в глаза канцлеру, он спросил: «Вы упомянули вещи похуже?»

«Мы, Колом, являемся частью альянса Градун. Фактически, именно благодаря альянсу мы держимся на плаву перед такими великими державами, как Арманская империя или Священная империя Луан. Сила конфедерации Градун в том, что она объединяется перед угрозой вторжения какой-либо из империй!»

На части «сила конфедерации» Базелиц сделал акцент. На краткий миг он умолк, чтобы перевести дух, после чего продолжил: «Но теперь этот барьер пал. Термин «сила конфедерации Градун» становится достоянием прошлого. Если мы обратимся за помощью сейчас, то очевидно, что королевства Галик и Хонс ответят отказом. И империя Арман явно знает про этот момент. Вот почему они упомянули в письме, что накажут нас за вторжение в Галик. Оправдание нелепо, но оно призвано помешать Галику прийти к нам на помощь.»

Королю нечего было возразить на подробный анализ канцлера. В затруднении он потёр лоб.

«Кхем! Похоже, пока волки теряли силы, грызясь меж собой, то не заметили подкравшегося тигра. Так как нам в таком случае выходить из ситуации? Если всё обстоит, как вы и сказали, то рассчитывать на подкрепление альянса мы не можем, а значит, придётся побеждать Арман собственными силами...» – в голосе короля звучала подавленность.

Ответ канцлера был решителен: «Своими силами получится вряд ли. Нет, если встанем насмерть, то королевский дворец, возможно, и устоит. Но и при таком раскладе нас не ждёт ничего хорошего. Потому как у Колома не останется иного выбора, кроме как прийти в упадок. Бесплодные наши территории слабо располагают к обретению нового могущества. Я вижу для нас только один путь.»

Взгляды собравшихся вперились в лицо канцлера. Люди затаили дыхание, ожидая, какое решение он предложит.

Герцог Базелиц прокашлялся и закончил речь: «Мы должны восстановить барьер. Отправить гонцов в Галик, Тругель и прочие королевства, и умолять о помощи. Наш путь – восстановление альянса! И он же – единственный.»

Чуя подвох, король Баньяк расстроился.

«Р-разве это возможно? Как вы сами упомянули, Галик и Хонс, в которые мы ранее вторгались, будут категорически против...»

Герцог Базелиц поджал губы: «Речь о выживании королевства. Мы должны пойти на всё, чтобы это стало реальностью. В качестве посла в Галик я поеду лично. И буду вымаливать подкрепление, даже если придётся целовать им ноги. Сейчас в альянсе Градун никто не обладает военной мощью, сравнимой с Галиком. И, если не добиться их помощи, всё будет кончено.»

Голос Базелица был торжественен и полон решимости. Ему, как канцлеру, подобное унижение дастся тяжело. Особенно, если дойдёт до лобызания ног галикцев, которых он прежде величал не иначе, как свиньями!

На него поражённо уставились не только Баньяк, но и присутствующие командоры. У всех перехватило дыхание. Самоотверженность Базелица заставила почувствовать ноющую боль в сердце.

Особенно огорчёнными и взволнованными выглядели маркиз Гермюльдер и граф Любек, потерпевшие фиаско в войне за Павитон. При мысли, что из-за их неудачи король и канцлер будут посрамлены, хотелось немедленно обнажить мечи и покончить с собой.

«Канцлер Базелиц! Н-но как стерпеть такое унижение?! Как?!»

Баньяк схватил канцлера за руки, глаза его предательски покраснели. Голос и руки дрожали.

Но он не мог остановить Базелица. Потому как тоже прекрасно понимал, что этот путь – единственный.

Реакция Колома последовала куда быстрее, чем ожидал Сулла.

Уже на следующее утро король Баньяк разослал личные письма всем монархам альянса. Все восемь посланий полны были тревоги и содержали просьбу о безотлагательной помощи.

В обращении к королям не было места длинным предысториям. Лишь сама суть!

«Умоляю, помогите! Если Арман поставит нас на колени, то на этом не остановится!»

Всего два предложения: просьба о помощи и акцент на угрозе всему альянсу.

Письма, отправленные в Галик и Хонс, по-содержанию отличались. Впрочем, они и не могли быть похожими на другие, поскольку в обоих королевствах питали к Колому враждебность.

Послание Хонсу было таким: «Умоляю, помогите! Я, Баньяк фон Колом, признаю вину за всё,

что было между нами. И готов понести заслуженное наказание, но сначала, прошу вас – помогите народу Колома! Ведь после того, как нас оккупирует Арманская империя, вам самим придётся граничить с Арманом!»

Примерно такое же сообщение уехало и в Галик. Разве что концовка была изменена: «Ведь после того, как нас оккупирует Арман, королевство Галик окажется окружено империей. Тут даже гадать не надо, на кого Арман нацелится следующим. Потому умоляю – помогите нам!»

Письма короля Баньяка взволновали весь альянс. Только что мирно отпраздновавшие Новый год королевства дружно созвали экстренные советы – решать, что делать.

Прошлой весной королевство Колом вторглось в Галик, чем наделало немало шума. А в этом Арман вторгнется в Колом, да ещё в начале года! Притом, что Арманская империя обладает сильнейшей армией на континенте!

Само название – Арманская империя – вызвало мощный резонанс. Одно простое объявление войны перевернуло весь альянс с ног на голову.

Тругель, Фрахам, Эвон, Теуриум, Нофол, Джанкаро... в смятении были все. Даже во враждебных Колому королевствах – Галике и Хонсе, буквально стояли на ушах.

Добавьте сюда отчаянный тон личных писем Баньяка – и точно поймёте уровень страха перед Арманской империей.

Что должно случиться такого, чтобы Баньяк фон Колом заставил себя написать подобные письма? Чтобы отрёкся даже от собственной гордости...

Вот о чём подумали все.

Во всех восьми королевствах быстро сделали выводы. Впрочем, для раздумий не было времени, поскольку сообщалось, что флот Армана уже идёт в наступление.

Однако выводы в каждом из восьми королевств были свои. Хотя, в целом, страны альянса показали три типа реакции.

Первые утверждали, что отправить в Колом войска нужно немедленно. Сюда принадлежали Фрахам и Эвон.

Фрахам фактически являлся герцогством Луана, да и Эвон сильно зависел от Священной империи из-за общих границ. Так что мнения обеих стран неизбежно отражали интересы Луана.

Священная империя всегда выступала против того, чтобы альянс попал в лапы арманцев. Потому как экспансия Армана являлась головной болью даже для них.

Так что в этом вопросе Фрахам и Эвон были с Луаном полностью солидарны.

Вторые – страны, провозгласившие нейтралитет. Теуриум и Нофол, испокон веков придерживавшиеся политики невмешательства, остались верны себе. Они заявили, что поддержат общее решение альянса Градун.

Мнение же третьих, в целом, было похоже на мнение вторых, но с небольшим отличием. У истока этой группы находилось королевство Тругель.

В прошлом, когда земли королевства вытаптывались копытами паладинских коней Священной империи, барьер альянса не обеспечил защиты. Потому что Колом и Галик тогда отказались выслать войска.

Так с какой стати теперь Тругелю помогать коломцам?

Однако ответ Тругеля выглядел неожиданно. Они заявили, что вышлют подкрепление, но лишь в том случае, если Галик сделает то же самое. То есть, фактически перевели стрелки на соседа.

Сторону Тругеля поддержали королевства Хонс и Джанкаро. Они тоже заявили, что озвучат решение только после реакции Галика.

Таким образом, судьба всего альянса стала зависеть от королевской семьи Галика. И всеобщее внимание обратилось к Беньону.

Королевская семья Галика оказалась перед крайне непростым выбором.

Изначально они хотели отказаться от поддержки, указав на весеннее вторжение Колома в качестве причины. Но, поскольку большинство королевств альянса Градун заявили, что будут ориентироваться на их решение, объявить об отказе стало не так-то просто. Потому как не хотелось, чтобы потом на них указывали пальцем, как на инициаторов развала альянса.

Тем временем, среди аристократов Галика нашлось немало тех, кто выступили за помощь Колому. Аргументация заключалась в следующем – как бы ни хотелось обратного, Колому следует помочь, чтобы не оказаться зажатыми с двух сторон Арманской империей.

Знаете выражение про горячую картошку в руках? Примерно таким сейчас было положение королевской семьи.

Ведь если помощь всё-таки объявить, неизбежны народные протесты. Потому как люди после вторжения точили на Колом зуб.

Но и если отказать, допустив захват Колома, последствия тоже будут неприятны. Та самая неловкая ситуация, когда станешь инициатором роспуска альянса Градун!

Но и без той неловкости, перспектива угодить в клещи Арманской империи выглядела крайне опасной. Ведь когда Колом окажется под властью Армана, Галик попадёт в имперское окружение, верно?

Что, если Колом станет колонией Армана, а потом империя вторгнется в Галик? У кого тогда просить помощи, и кто согласится её оказать? Ведь конфедерации на тот момент уже не будет!

В Беньоне прошла целая серия заседаний. Ситуация обсуждалась на каждом из светских приёмов, и мнения высказывались диаметрально противоположные.

Естественно, что в клубе Антуан, как в главном из залов собраний, обсуждали сразу несколько альтернатив, из которых наибольшее число сторонников получило предложение, высказанное маркизом Бальфоном. А он предложил поинтересоваться мнением павитонцев.

«Кто пострадал от недавнего вторжения Колома сильнее всего? Жители Павитона, верно? Поэтому стоит прислушаться к их мнению. И если они решат ради общего блага забыть бывшие обиды, то какие нам ещё нужны причины, чтобы оказать помощь Колому?»

На первый взгляд, рекомендация Бальфона выглядела как большая честь для павитонцев.

Вот только у неё имелось второе дно. Ведь какое решение ни примет королевская семья, вероятность подвергнуться критике очень велика. И истинная цель предложения была в том, чтобы переложить все тяготы ответственности на Павитон.

Потому мнение маркиза нашло живейший отклик. Герцог Лебуэль хлопнул себя по коленке и воскликнул: «Замечательный ход!» Да и королю предложение пришлось по душе.

И Арнард Второй немедля провозгласил свой монарший вердикт: «Всё верно! Ключ к разрешению сей сложной ситуации должен находиться в руках павитонцев. Не зря же гласит старая поговорка – кто завязал узел, тому его и распутывать? Так выслушаем же мнение Павитона – тех, кто более всех пострадали от агрессии Колома!»

Сразу, как прозвучала торжественная речь короля, почтовая карета выехала из Беньона и направилась к провинции Павитон.

Гонец зачитал королевский указ, стоя перед графом Монтенем:

«Графу Монтеню и барону Широну не мешкая следует прибыть в столицу, чтобы высказать мнение!»

Вот так и творится история. Мяч, брошенный Суллой в сторону Колома, залетел и в Тругель, и в королевский дворец Галика, чтобы, в конечном итоге, оказаться в руках Широ́на.

Похоже, шkodливая девка по имени Судьба решила всучить Широ́ну все ключи от этой эпохи. И ключ к изменению будущего теперь находился в его ладонях.

Примечание

[1] Фразеологизм: «вина ваша столь очевидна, что любые возражения бессмысленны».

<http://tl.rulate.ru/book/104928/4400606>